

РАЗВОД НА ДВОИХ

— НЕ ДЕЛИТСЯ —

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Виолетта Весна

Развод на двоих не делится

«Автор»

2026

Весна В.

Развод на двоих не делится / В. Весна — «Автор», 2026

Алина Воронцова восемь лет была удобной женой: держала дом, встречала гостей, терпела холодность мужа и улыбалась его семье, даже когда хотелось уйти. Однажды Артем положил перед ней документы на развод. Спокойно, почти деловито. У него уже была другая женщина, готовые условия и уверенность, что Алина уйдет тихо. Но развод на двоих не делится. Нельзя поровну разделить измену, годы молчания, пустой дом и право снова стать собой. Алина начинает жизнь без фамилии мужа и возвращается к профессии дизайнера. А рядом появляется Даниил Орлов — мужчина, который видит в ней не бывшую жену Воронцова, а талантливую женщину. И чем увереннее становится Алина, тем позднее Артем понимает: он потерял не удобную жену, а человека, на котором держалась его жизнь. Только теперь его раскаяние уже не решает за нее.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Бумаги, которые не пахнут болью	5
ГЛАВА 1. Жена, которую поставили перед фактом	9
ГЛАВА 2. Женщина без фамилии	21
ГЛАВА 3. Его новая женщина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виолетта Весна

Развод на двоих не делится

ПРОЛОГ. Бумаги, которые не пахнут болью

Алина приехала к Артему в офис из-за пуговицы.

Точнее, из-за папки, которую он попросил подписать. Но всю дорогу она думала о пуговице: утром нашла ее на комод, рядом с ключами и квитанцией из химчистки. Маленькая, черная, от внутренней стороны его пальто. Надо было положить в сумку и пришить вечером, пока он будет отвечать на письма за кухонным столом.

Она не положила.

Теперь эта пуговица почему-то сидела в голове крепче, чем белая папка на столе.

— Али, не стой. Садись, — сказал Артем.

Она села.

В его кабинете было слишком тепло. От батареи под окном шел сухой жар, и у Алины сразу стянуло кожу на руках. Она потеряла большой палец о костяшку, заметила, что лак на ногте чуть скололся, и спрятала руку под сумку.

Артем стоял у стола. Не напротив нее. Сбоку. Как на переговорах, когда не хотел давать человеку лишнего ощущения равенства.

— Что подписать? — спросила она.

Он положил ладонь на папку.

На безымянном пальце кольца не было.

Алина увидела это не сразу. Вот что было хуже всего. Не сразу.

— Нам нужно спокойно поговорить, — сказал он.

Она посмотрела на папку. Потом на его руку. Потом снова на папку.

— О чем?

Артем сел. Медленно, аккуратно, будто от того, как он сядет, зависело, не развалится ли весь разговор.

— О разводе.

Слово не ударило.

Сначала — нет.

Оно просто легло между ними, как чужой предмет. Как телефон, забытый кем-то на столе.

Алина ждала, что он добавит что-нибудь еще. «Я не уверен». «Давай попробуем». «Я устал». «Я не знаю, что делать».

Артем открыл папку.

— Я подготовил документы. Сегодня можешь не подписывать, если тебе нужно время. Условия нормальные. Машина остается у тебя. По жилью тоже решим.

Она услышала почему-то только «машина остается».

Машина.

Не дом, не восемь лет, не то, как она сидела рядом с его матерью на семейных ужинах и делала вид, что не слышит «Алине повезло с нашей семьей».

Машина.

— Ты давно решил? — спросила она.

Голос оказался ниже, чем обычно.

Артем положил перед ней первый лист.

— Не сегодня.

— Это я поняла.

Он посмотрел в сторону окна.

— Несколько месяцев.

Алина кивнула.

Очень спокойно. Даже слишком.

В голове всплыл сентябрь. Их годовщина. Она купила платье, зеленое, с мягким вырезом, потом просидела в нем на кухне до половины десятого. Артем написал: «Встреча затянулась. Не жди». Она все равно ждала. В полночь сняла платье, повесила обратно в шкаф и утром сказала ему, что сама устала и легла рано.

Несколько месяцев.

— А Кира? — спросила она.

Артем замолчал.

Этого хватило.

У него даже не дернулось лицо. Просто тишина стала другой.

— Она здесь при чем? — сказал он наконец.

Плохо сказал. Неубедительно.

Алина почти пожалела его за эту неуклюжесть. Почти.

— Значит, при чем.

— Я не хочу обсуждать ее с тобой.

— А развод хочешь?

Он сжал челюсть.

Вот теперь в нем появилось раздражение. Живое, знакомое. Такое же, как когда она забывала предупредить кухню, что его отец не ест лук. Или когда не могла быстро найти нужную запонку.

— Не надо превращать это в сцену, — сказал Артем.

Алина посмотрела на него.

— Я сижу.

— Али...

— Я даже голос не повысила.

Он выдохнул и провел рукой по лицу.

На столе завибрировал его телефон.

Экран был повернут вверх.

Алина не хотела смотреть. Правда не хотела. Но имя вспыхнуло крупно, ярко, слишком близко.

Кира.

Сообщение было видно не полностью.

«Ты сказал ей? Я не могу больше...»

Артем быстро перевернул телефон.

Слишком быстро.

Алина смотрела на черный прямоугольник экрана. Потом на свою руку с кольцом. Кольцо вдруг стало тесным, хотя палец не опух. Просто оно больше не подходило к руке. Как чужая вещь.

— Она ждет? — спросила Алина.

— Сейчас не об этом.

— Конечно.

Она взяла первый лист.

Бумага была теплая от стола. Или ей показалось. Внизу уже стояло ее имя: Алина Сергеевна Воронцова. Место для подписи было пустым, аккуратно подчеркнутым.

Очень вежливое место.

— Ты хотел, чтобы я подписала сегодня? — спросила она.

— Я хотел, чтобы ты посмотрела.

— Не ври хотя бы сейчас.

Он резко поднял глаза.

— Я не вру.

Алина усмехнулась. Негромко, некрасиво.

— Ты несколько месяцев спишь с помощницей и приносишь мне развод в обеденный перерыв. Но да, конечно. Сейчас ты не врешь.

Артем встал.

— Не унижай себя.

Вот это уже ударило.

Не измена. Не Кира. Не документы.

Эта фраза.

Алина тоже встала, но слишком быстро. Кресло задело сумку, сумка упала на пол. Из нее выкатился бальзам для губ, чек из аптеки и маленький пакетик с пуговицей.

Алина застыла.

Пуговица все-таки была в сумке.

Значит, она положила ее утром. На автомате. Пока думала о его звонке, о папке, о том, что надо заехать к нему и потом купить куриное филе.

Пуговица лежала на полу между ними.

Маленькая, черная, смешная.

Артем посмотрел на нее. Потом на Алину.

— Что это?

Она наклонилась, подняла пакетик. Пальцы дрожали, и пакет шуршал слишком громко.

— От твоего пальто.

Он ничего не сказал.

И правильно. Тут нечего было говорить.

Алина положила пуговицу на стол рядом с документами.

— Пришей сам.

Папку она не взяла. Только первый лист. Тот самый, с ее именем и пустой строчкой для подписи.

— Алина, документы должны остаться здесь.

— Это копия?

Он помолчал.

— Да.

— Тогда переживешь.

Она вышла из кабинета без пальто. Вспомнила о нем уже в приемной, вернулась, забрала со спинки кресла. Неловко, с перекрученным рукавом, под взглядом Артема и его секретаря за стеклом.

Красиво уйти не получилось.

Но она ушла.

У лифта телефон в сумке завибрировал.

Алина подумала, что это Артем. Но писала Марина.

«Ты где? У меня с утра чувство, что ты сейчас надела не те туфли и делаешь вид, что все нормально».

Алина смотрела на сообщение, пока двери лифта открывались.

Потом набрала:

«Он дал мне развод. И я оставила ему пуговицу».

Ответ пришел сразу.

«Адрес. Сейчас».

Алина вошла в лифт.

На зеркальной стене отражалась женщина с белым лицом, криво надетым пальто и листом о разводе в руке.

Лифт поехал вниз.

Алина вдруг поняла, что не знает, куда теперь ехать: домой, который уже не был ее домом, или куда-нибудь, где можно хотя бы десять минут не быть женой Артема Воронцова.

На первом этаже двери открылись.

И она шагнула наружу, сжимая лист так сильно, что пустая строка для подписи смялась первой.

ГЛАВА 1. Жена, которую поставили перед фактом

Алина все-таки поехала домой.

Не сразу.

Сначала сорок минут просидела в кафе на углу, куда Марина приехала с мокрыми волосами, без туши и в пуховике поверх домашней футболки. Марина работала удаленно, ненавидела выходить из дома без подготовки и всегда говорила, что внезапные поездки существуют только для скорой помощи и изменяющих мужиков.

Сегодня, видимо, был второй случай.

— Покажи, — сказала она вместо приветствия.

Алина положила на стол помятый лист.

Марина прочитала верхнюю строку, потом имя Алины, потом место для подписи. Дальше не стала. Просто закрыла глаза и шумно выдохнула носом.

— Сука, — сказала она.

Официантка, проходившая мимо с подносом, сделала вид, что не услышала.

Алина почему-то испытала к ней благодарность.

— Не надо, — тихо сказала она.

— Что не надо?

— Ну... так.

— Как?

— Как будто он совсем...

— Что? — Марина наклонилась к ней через стол. — Как будто он совсем что?

Алина посмотрела в окно.

На стекле висели капли. За ними люди шли, пригнув головы, торопились к метро, к машинам, к своим обычным делам. У кого-то в пакете торчал багет. Мужчина в сером пальто ругался в телефон. Девочка лет шестнадцати поправляла на ходу ресницы в маленьком зеркальце.

Всем было куда.

Алина сидела и не знала, куда ей теперь.

— Он не монстр, — сказала она.

Марина медленно откинулась на спинку стула.

— А, ну да. Конечно. Просто мужик, который принес тебе развод, пока любовница ждала отчет. Обычный такой, бытовой не монстр.

— Марин.

— Что?

— Я не могу сейчас, когда ты так.

У Марины дернулось лицо. Она сразу смягчилась, хотя глаза остались злыми.

— Ладно. Прости.

Она потянулась через стол и накрыла ладонь Алины своей. Руки у Марины были теплые, крепкие, с короткими ногтями без лака. Она всегда забывала записываться на маникюр, потом ругалась на себя и снова забывала.

— Ты ела сегодня?

Алина подумала.

— Кажется, нет.

— Кажется?

— Утром кофе.

— Отлично. Развод на голодный желудок. Очень в стиле Артема Викторовича. Сейчас закажем суп.

— Я не хочу.

— Мне плевать.

Марина подозвала официантку и заказала два куриных супа, чайник чая и какие-то сырники, хотя Алина сказала, что сырники точно не сможет. Потом достала телефон.

— Я знаю адвоката. Вернее, не я. Лена разводилась через нее. Жесткая тетка, не сюсюкает. Тебе как раз надо.

— Мне сначала домой надо.

— Зачем?

Алина растерялась от вопроса.

— В смысле?

— В прямом. Зачем тебе сейчас домой?

— Там мои вещи.

— Какие?

— Марин, ну какие вещи? Одежда. Документы. Зарядка. Косметика. Я там живу.

Марина молчала.

Алина сама услышала, как прозвучало последнее.

Живу.

Глагол задержался в воздухе и стал неправильным.

— Я там живу, — повторила она уже тише. — Пока.

— Я с тобой поеду.

— Не надо.

— Не обсуждается.

— Артем может быть дома.

— Тем более.

— Я не хочу сцен.

Марина чуть прищурилась.

— Слушай, а где вы все берете это слово? Он тебе тоже про сцены говорил?

Алина не ответила.

— Понятно, — сказала Марина. — Значит, говорил.

Принесли суп.

Алина смотрела, как над тарелкой поднимается пар. Суп пах курицей, укропом и чем-то из детства — больничным, простым, теплым. Есть не хотелось, но Марина сидела напротив с таким видом, что спорить было бессмысленно.

Она взяла ложку.

Первый глоток оказался горячим. Обжег язык.

— Черт.

— Живая, — сказала Марина. — Уже хорошо.

Алина чуть не улыбнулась. Не смогла. Но попытка была.

После супа стало хуже.

Пока внутри была пустота, тело будто держалось на одном испуге. Еда вернула его обратно: тяжесть в руках, боль в висках, усталость под глазами, неприятное дрожание в коленях. Захотелось лечь прямо на узкий диванчик у стены, закрыть лицо шарфом и не отвечать никому хотя бы сутки.

Телефон лежал экраном вниз.

Алина перевернула его.

От Артема было еще два сообщения.

«Ты где?»

Через двадцать минут:

«Нам все равно нужно поговорить».

Она читала их и не знала, что чувствует. Раньше любое его «ты где?» автоматически требовало ответа. Не потому, что он кричал или запрещал. Просто в их доме было принято: Артем спрашивает — Алина отвечает. Он мог не отвечать часами, потому что встреча, переговоры, дорога, «не видел». Она — нет. Она отвечала сразу, даже если была в душе. Даже если красила ресницы. Даже если разговаривала с врачом.

Палец сам потянулся к клавиатуре.

Марина положила свою ладонь сверху на телефон.

— Нет.

— Я просто напишу, что еду домой.

— Зачем?

— Чтобы он не...

— Что?

Алина молчала.

Марина убрала руку, но телефон оставила между ними.

— Чтобы он не что? Не волновался? Не злился? Не подумал, что ты неадекватная? Али, он сейчас не главный.

Алина посмотрела на нее устало.

— У тебя это так легко звучит.

— Потому что я не ты. Я понимаю. Но ты хотя бы на десять минут попробуй представить, что ты можешь не отчитываться.

Десять минут.

Смешной срок.

Алина не ответила Артему.

Они поехали вместе на такси. Марина всю дорогу писала кому-то, видимо той самой адвокатессе или Лене, которая разводилась. Алина смотрела в окно и держала сумку на коленях. В сумке лежал лист о разводе, бальзам для губ, чек из аптеки, ключи, телефон и пакетик с пуговицей уже без пуговицы.

Пуговица осталась у Артема.

Эта мысль почему-то снова кольнула.

Не потому, что пуговицу было жалко. Просто она представляла, как он смотрит на нее после ее ухода. Может быть, даже берет в руки. Может быть, кладет в ящик. Может быть, выбрасывает в корзину вместе с черновиками.

У подъезда Марина первая вышла из такси.

Дом был красивый. Слишком красивый для этого дня. Закрытый двор, охрана, светлый камень, черные рамы окон, маленькие сосны в кадках у входа. Алина сама выбирала для холла цвет стен — не холодный белый, а мягкий серо-бежевый. Управляющая компания тогда показывала пять вариантов, все одинаковые на вид, и Артем сказал: «Али, реши ты, у меня встреча».

Она решила.

Теперь ей хотелось ободрать этот серо-бежевый ногтями.

Консьержка подняла голову.

— Добрый день, Алина Сергеевна.

— Добрый.

— Артем Викторович уже дома.

Алина остановилась.

Марина рядом тоже.

— Спасибо, Нина Ивановна, — сказала Алина.

Консьержка посмотрела на Марину, потом на Алину, потом быстро опустила глаза к журналу.

Знала.

Или догадалась.

Теперь Алина в каждом взгляде будет искать это. Знали? Догадывались? Жалели? Смеялись? Считали, что так ей и надо?

Лифт поднимался медленно. Марина стояла рядом и молчала. Обычно она в лифтах комментировала все: чужие духи, уродскую плитку, идиотскую музыку. Сейчас молчала.

— Не ругайся с ним, — сказала Алина тихо.

— Я вообще-то взрослая.

— Марин.

— Не буду, если он не начнет.

— Он начнет спокойно.

— Это хуже.

Двери открылись.

Квартира встретила их запахом дома.

Не какого-то большого, красивого пространства из журналов, а именно их дома: деревом, легким ароматом свечи в гостиной, свежими полотенцами из прачечной, кофе, который Артем, видимо, недавно пил. Где-то тихо гудела система вентиляции. На кухне мигал огонек кофемашины.

Алина вошла и сразу увидела пуговицу.

Не ту, которую оставила в офисе. Другую.

На комод в прихожей лежала маленькая запасная пуговица от ее пальто. Перламутровая, в прозрачном пакетике. Она купила ее месяц назад, чтобы заменить потерянную, но так и не пришила.

Сегодня был день пуговиц.

Дурацкая мысль. Ненужная.

Артем вышел из гостиной.

Без пиджака. Рукава рубашки закатаны. Волосы чуть растрепаны, будто он много раз проводил по ним рукой. В домашнем виде он всегда казался моложе и опаснее для ее слабости. Офисный Артем был чужим. Домашний — все еще тем человеком, которому она знала, где лежат таблетки от головы и какие носки он наденет в поездку.

Он увидел Марину.

Лицо сразу стало закрытым.

— Марина.

— Артем.

Они поздоровались так, будто встретились на похоронах человека, который обоим не очень нравился.

— Я думал, мы поговорим вдвоем, — сказал он Алине.

Алина сняла пальто. Рукав опять зацепился за браслет, ткань дернулась. Хотелось дернуть сильнее, порвать к черту, но пальто было дорогое. Смешно, но она все еще думала о таких вещах.

— Я тоже много чего думала сегодня, — сказала она.

Фраза вышла не очень. Слишком заготовленно. Она сама это почувствовала и поморщилась.

Артем заметил.

— Али, я понимаю, что ты злишься.

— Не начинай с этого.

— Хорошо. Не буду.

Он посмотрел на Марину.

— Можно нам пять минут?

Марина открыла рот, но Алина успела первой.

— Нет.

Артем вернул взгляд к ней.

— Нет?

— Марина останется.

— Это семейный разговор.

— Нет, — сказала Алина. — Уже нет.

В комнате стало тихо.

Где-то на кухне кофемашина щелкнула и выключилась.

Артем медленно кивнул, будто принял к сведению новое условие сделки.

— Хорошо. Тогда давай хотя бы без лишнего.

Марина хмыкнула.

Алина бросила на нее взгляд.

Марина подняла ладони: молчу.

— Я хотел сказать, что документы не окончательные, — сказал Артем. — Юристы подготовили базовый вариант. Мы можем обсудить условия.

— Какие условия?

— По квартире, по машине, по ежемесячной сумме на первое время.

— На первое время, — повторила Марина.

— Марин, — тихо сказала Алина.

— Все, молчу.

Артем сдержался. Алина увидела, как он сдержался, и это почему-то разозлило сильнее, чем если бы он сорвался. Он все еще пытался быть приличным. Ровным. Тем самым человеком, который не устраивает сцен.

— А дом? — спросила Алина.

— Квартира оформлена на компанию, ты знаешь.

— Я не про оформление. Я про дом.

Он устало посмотрел на нее.

— Али.

И все.

Одно это «Али» уже означало: не усложняй, не говори глупостей, не заставляй меня объяснять очевидное.

Раньше она на этом месте замолкала.

Сейчас не смогла.

— Я здесь восемь лет живу.

— Я не выгоняю тебя сегодня.

— Спасибо.

— Не надо.

— Я мебель выбирала. Шторы. Свет. Кухню, которая тебе сначала не понравилась, а потом все гости спрашивали, кто делал. Я помню, где в паркете царапина от твоего чемодана. Я знаю, какая розетка в спальне не работает, потому что электрик три раза приходил и все равно сделал криво. Я...

Она остановилась.

Потому что услышала себя.

Она перечисляла розетки.

Господи.

Артем смотрел уже мягче. И это было невыносимо.

— Я не обесцениваю этого.

— А что ты делаешь?

Он промолчал.

Марина вдруг отошла к окну, демонстративно заинтересовавшись видом. Наверное, решила дать им хотя бы иллюзию разговора вдвоем. Но квартира была слишком открытая, слишком просторная: все слышно.

— Ты сможешь остаться здесь какое-то время, — сказал Артем. — Пока не найдешь вариант.

— Какое-то время?

— Месяц. Два.

Алина кивнула.

— А потом сюда въедет Кира?

Он резко посмотрел на нее.

— Нет.

Слишком быстро.

— Нет? — переспросила она.

— Не надо втягивать ее в каждый вопрос.

— Она уже втянута.

— Это не имеет отношения к квартире.

— Конечно. Она просто спит с моим мужем, пока он оформляет мне выселение с отсрочкой.

Артем сделал шаг к ней.

— Я тебе не враг.

Алина вдруг устала.

Не драматично, не красиво. Просто стало тяжело стоять. Она села на край банкетки в прихожей, где обычно обувалась. Рядом стояли его туфли, аккуратно поставленные ногами к стене. Она утром сама отодвинула их, чтобы робот-пылесос не застрял.

Робот-пылесос.

Она почти засмеялась.

— Что? — спросил Артем.

— Ничего.

— Алина, я правда хочу сделать все нормально.

— Нормально для кого?

Он не ответил.

И опять — вот это молчание было честнее любых его слов.

Марина повернулась от окна.

— Али, тебе надо собрать документы.

Артем посмотрел на нее.

— Какие документы?

— Ее. Паспорт, диплом, медицинские, банковские, все, что есть.

— Это можно сделать спокойно.

— Мы спокойно и сделаем.

Он перевел взгляд на Алину.

— Ты собираешься уехать сейчас?

Она хотела сказать: нет, я просто заберу документы.

Хотела сказать: мне нужно подумать.

Хотела сказать: можно я переночую здесь хотя бы сегодня, потому что я не знаю, где мои домашние штаны, и потому что на моей стороне кровати лежит книга с закладкой, и потому что если я сейчас уеду, то все станет окончательно.

Но Марина смотрела на нее.

Артем смотрел на нее.

Квартира смотрела на нее всеми своими гладкими поверхностями, шкафами без ручек, дорогим светом, вазой на консоли, в которую она вчера поставила белые тюльпаны. Тюльпаны уже чуть опустили головы. Надо было подрезать стебли.

Алина встала.

— Я соберу самое нужное.

Артем не стал останавливать.

Вот это тоже было больно.

В спальне все выглядело неприлично обычным.

Кровать застелена. На его стороне — планшет, очки, зарядка. На ее стороне — книга, крем для рук, резинка для волос. На кресле лежал халат. Ее халат. Светло-серый, мягкий, с пятном у кармана: когда-то пролила кофе и так и не смогла вывести до конца.

Марина вошла за ней и закрыла дверь.

— Дыши, — сказала она.

— Я дышу.

— Так, будто собираешься извиниться перед воздухом.

Алина села на край кровати.

И вот тут ее накрыло.

Не слезами. Было бы проще, если бы слезами.

Ее накрыло стыдом.

Она смотрела на свою подушку и думала: Кира знает, какая у них спальня? Видела ли фотографии? Спрашивала ли Артема, как он живет с женой? Смеялась ли, что Алина ничего не замечает? Или наоборот, жалела? Молодая, красивая, уверенная в своей победе. Наверное, думала: жена сама виновата, нельзя так запускать отношения, нельзя быть удобной мебелью.

Алина поднялась.

— Мне нужен чемодан.

— Где?

— В гардеробной.

Гардеробная была ее гордостью. Не потому, что большая. Хотя она была большая. Просто Алина сама продумывала ее до последнего ящика. Высота штанг, свет, отдельные полки под сумки, мягкая подсветка у зеркала, секция для длинных платьев. Артем тогда смеялся:

— Ты к гардеробной относишься серьезнее, чем я к совету директоров.

Она ответила:

— Потому что у твоего совета директоров нет вечерних платьев в пол.

Он тогда улыбнулся.

По-настоящему.

Она помнила эту улыбку.

Лучше бы не помнила.

Марина достала маленький чемодан.

— Этот?

— Нет. Большой.

— Ты уверена?

— Нет.

— Тогда большой.

Они начали складывать вещи.

Не так, как в кино. Не красиво, не с гордым бросанием платьев. А тупо и неловко: белье в отдельный пакет, зарядки в косметичку, документы в папку, лекарства из ванной, любимые джинсы, свитер, две футболки, ноутбук.

Алина все время забывала, зачем открыла очередной ящик.

Открывала. Смотрела. Закрывала.

— Носки, — напоминала Марина.

— Что?

— Носки возьми. И трусы нормальные, не кружевную фигню.

— Марин.

— Что Марин? У тебя развод, а не фотосессия.

Алина неожиданно прыснула.

Смех вышел короткий, почти некрасивый. И сразу оборвался.

— Прости.

— За смех тоже будешь извиняться?

— Я не знаю, что делать.

Марина перестала складывать вещи.

— Сейчас — носки. Потом адвокат. Потом ночуешь у меня. Дальше будем думать.

— У тебя диван маленький.

— Зато бывших мужей нет.

Алина кивнула.

В ванной она забрала зубную щетку и крем. Потом посмотрела на полку Артема: бритва, парфюм, щетка для волос, флакон после бритья. Все стояло как всегда. Будто он никуда не собирался из их жизни. Это она собиралась. Его вещи оставались на своих местах.

Она взяла свой шампунь, потом поставила обратно.

Глупо везти шампунь.

Потом снова взяла.

Потому что он был ее.

Когда они вернулись в спальню, Артем стоял у двери.

Не входил. Просто стоял.

— Я могу помочь, — сказал он.

Алина застегивала чемодан. Молния заела на углу.

— Не надо.

— Ты не обязана уезжать сегодня.

Она дернула молнию сильнее. Та пошла, но зажевала край свитера.

— Черт.

Марина присела рядом.

— Дай.

— Я сама.

— Не геройствуй с молнией, она не Артем.

В другой день Алина бы засмеялась. Сейчас только закрыла глаза.

Артем услышал, но промолчал.

Марина освободила ткань, застегнула чемодан и поднялась.

— Готово.

Алина оглядела спальню.

Вроде взяла все нужное.

Конечно, не все. Как можно взять все из восьми лет? Нельзя положить в чемодан привычку спать ближе к краю. Или звук его шагов утром. Или то, как она автоматически покупала ему йогурт без добавок, хотя сама его терпеть не могла. Или чувство, что тебя не выбрали, но еще держат в доме из вежливости.

— Я вернусь за остальным, — сказала она.

— Конечно, — ответил Артем.

Они снова оказались в прихожей.

Марина взяла чемодан, но Алина забрала ручку.

— Я сама.

Марина ничего не сказала.

Артем стоял у стены, рядом с зеркалом. В отражении они выглядели странно: он — дома, в рубашке с закатанными рукавами; она — в пальто, с чемоданом; Марина — между ними, как человек, который пришел на пожар с ведром и матерными словами.

— Я переведу тебе деньги сегодня, — сказал Артем.

Алина посмотрела на него.

— Не надо сейчас.

— Это не подачка.

— Я знаю.

— Правда не подачка.

— Артем, не надо.

Он сжал губы.

— Хорошо. Завтра.

Она устала объяснять. Завтра так завтра. Деньги ей, скорее всего, понадобятся. И адвокат. И жилье. И куча вещей, о которых она не думала, потому что восемь лет жила в красивой системе, где многое решалось до нее.

У двери она вдруг вспомнила.

— Брачный договор где?

Артем заметно напрягся.

Едва-едва.

Но заметно.

— В сейфе.

— Мне нужна копия.

— Зачем сейчас?

— Потому что я хочу ее прочитать.

— Ты читала, когда подписывала.

Марина тихо произнесла:

— Приехали.

Алина обернулась к ней.

— Подожди.

Потом снова к Артему:

— Я читала то, что мне дали. Перед свадьбой. За три дня. Когда твоя мать сказала, что у всех нормальных семей так принято, а ты сказал, что это формальность.

— Это и была формальность.

— Для кого?

Он молчал.

Алина вдруг очень ясно вспомнила тот день.

Она в белой футболке сидит за кухонным столом в съемной квартире, где они жили до свадьбы. На столе коробки с приглашениями, список гостей, образцы ткани для салфеток, два бокала с недопитым вином. Артем кладет перед ней документы и говорит: «Юристы подготовили. Просто стандартная защита активов». Она смеется: «От меня защищаешься?» Он подходит сзади, целует ее в макушку: «От мира, Али».

От мира.

Ну да.

— Открой сейф, — сказала она.

— Сейчас это лишнее.

— Открой.

Он посмотрел на Марину.

— Может, без зрителей?

— Нет, — сказала Алина.
Ему это не понравилось.
Он развернулся и пошел в кабинет.
Алина пошла следом.

Домашний кабинет Артема был меньше офисного, но пах так же: бумагой, кожей, деревом, сухим дорогим парфюмом. На полке стояла фотография с их свадьбы. Они оба там смеялись. Не позировали, а правда смеялись: фотограф поймал момент, когда у Алины зацепилась фата за пуговицу его пиджака, и Артем пытался ее отцепить, а она шептала: «Не дергай, я облысею до банкета».

Артем тоже посмотрел на эту фотографию.

Быстро.

Потом отвернулся к сейфу.

Код он набирал рукой, закрывая панель корпусом. Привычка. Даже дома.

Алина раньше не обращала внимания.

Сейф пискнул.

Он достал папку. Темно-синюю. Не белую.

— Здесь копия, — сказал он.

Она протянула руку.

Он не сразу отдал.

— Али, я не собираюсь тебя обманывать.

— Ты уже.

Фраза вышла тихо.

Без удара.

Он отдал папку.

Алина открыла ее прямо там, стоя у стола.

Первые страницы были знакомые. Фамилии, даты, имущество сторон. Сухие слова, в которых ее будущая жизнь когда-то пряталась мелким шрифтом.

Она листала быстро, почти не понимая.

Потом остановилась.

Раздел про недвижимость.

Квартира, дом, доли, компенсации.

Строки прыгали. Она моргнула и прочитала снова.

Потом еще раз.

— Подожди, — сказала она.

Артем закрыл глаза.

Слишком рано.

Слишком виновато.

— Что это?

Марина подошла ближе.

— Что там?

Алина провела пальцем по строке.

— В случае расторжения брака я не имею права претендовать на компенсацию стоимости улучшений, ремонта, дизайна, мебелировки и иных вложений в имущество, используемое в период брака.

Марина выругалась шепотом.

Алина смотрела на текст.

Ремонт.

Дизайн.

Мебелировка.

Иные вложения.

Восемь лет ее работы, вкуса, времени, нервов, поездок по салонам, споров с рабочими, бессонных ночей перед приемами, таблиц, замеров, образцов плитки, подборов света, переделанных гардин — все это называлось «иные вложения».

И она заранее отказалась от них.

Сама.

Своей подписью.

— Ты знал? — спросила она.

Артем молчал.

— Когда я выбирала кухню, ты знал?

— Алина.

— Когда твоя мать говорила гостям, что дом наконец стал прилично выглядеть, ты знал?

— Это юридический текст.

— Когда я ночами сидела с планами, потому что строители опять все испортили, ты знал, что мне за это даже спасибо не положено?

Он резко сказал:

— Я тебе благодарен.

Алина посмотрела на него.

И почему-то именно сейчас у нее наконец появились слезы.

Не крупные. Не истерика. Просто глаза налились, и одна слеза скатилась вниз раньше, чем она успела ее остановить.

Она вытерла щеку ладонью.

— Забери свою благодарность, — сказала она. — Она в чемодан не помещается.

Артем будто хотел подойти, но не подошел.

Правильно сделал.

Алина закрыла папку.

— Я беру это.

— Это оригинал.

— Тогда сделаешь копию.

— Алина, нельзя просто...

— Можно.

Она посмотрела на него так спокойно, что сама испугалась.

— Я сегодня много нового узнала про то, что можно.

Он ничего не сказал.

В прихожей Марина молча открыла дверь.

Алина вывезла чемодан на площадку. Колесико стукнуло о порог, заело, потом все-таки перескочило.

Артем вышел следом.

— Ты правда хочешь уйти вот так?

Алина обернулась.

— А как надо?

Он не нашел ответа.

Алина посмотрела на него, на их квартиру за его спиной, на тюльпаны в вазе, на свои тапочки у стены, на перламутровую пуговицу на комод.

Потом сказала:

— У тебя на пальто пуговицы нет.

Артем замер.

— Что?

— Внутренней. Слева. Я утром хотела пришить.

Он смотрел на нее так, будто она сказала что-то страшное.

Алина нажала кнопку лифта.

Двери открылись почти сразу.

Она вошла первой. Марина следом втянула чемодан.

Перед тем как двери закрылись, Артем тихо сказал:

— Али.

Она подняла глаза.

— Я не хотел, чтобы все было так.

Алина кивнула.

— Знаю.

Двери начали сходиться.

И уже в узкую щель она добавила:

— Ты хотел, чтобы я подписала и не мешала.

Лифт закрылся.

Марина молча стояла рядом. Потом протянула руку и осторожно забрала у Алины темно-синюю папку, потому что та держала ее слишком крепко, почти ломая картон.

— Дыши, — сказала Марина.

Алина вдохнула.

Получилось плохо.

На первом этаже лифт открылся. Консьержка подняла глаза и тут же опустила. Сергей, водитель, уже стоял у входа, видимо Артем успел написать ему. Рядом с машиной.

Алина вышла на улицу сама.

Дождь закончился, но воздух остался мокрым, тяжелым. Колесико чемодана сразу попало в щель между плитками и дернулось.

— Да чтоб тебя, — тихо сказала Алина.

Марина взяла чемодан за ручку.

— Давай.

На этот раз Алина не стала спорить.

Она обернулась на окна квартиры.

В одном горел свет.

Там остались ее халат, книга, желтые стикеры, тюльпаны, запасная пуговица на комод и мужчина, который все решил за нее заранее.

В сумке завибрировал телефон.

Алина достала его.

Сообщение от Артема:

«Не делай глупостей. Давай завтра поговорим спокойно».

Алина смотрела на экран долго. Потом открыла чат, напечатала ответ, стерла, снова напечатала.

Марина не подглядывала.

В итоге Алина отправила всего одну фразу:

«Завтра я буду говорить с адвокатом».

И впервые за день не стала ждать, что он ответит.

ГЛАВА 2. Женщина без фамилии

У Марины дома пахло кошкой, кофе и стиральным порошком.

Не неприятно. Просто чужая жизнь.

Алина проснулась на диване в семь утра и первые несколько секунд не поняла, где находится. Над ней был белый потолок с тонкой трещиной у люстры. Справа — книжный стеллаж, на нижней полке которого лежал серый кот Марины и смотрел на нее так, будто она заняла его законное место и должна за это платить.

Алина пошевелилась.

Спина сразу отозвалась тупой болью. Диван у Марины был красивый, горчичный, с деревянными ножками и абсолютно не предназначенный для людей старше двадцати пяти. Ночью Алина дважды просыпалась от того, что у нее затекала рука. Один раз — от сообщения Артема.

Он написал в 01:17:

«Ты у Марины?»

Она не ответила.

Потом в 01:42:

«Я не хотел, чтобы ты уезжала в таком состоянии».

На это она тоже не ответила.

В 02:05:

«Я понимаю, ты сейчас не готова говорить. Завтра созвонимся».

Алина прочитала все три сообщения, лежа под чужим пледом с котом в ногах, и почему-то подумала: он даже сейчас ставит расписание.

Завтра созвонимся.

Как будто у них перенос встречи.

Она повернулась на бок, уткнулась лицом в плед и не заплакала. Слезы не шли. Внутри было сухо и тесно, как в комнате, где слишком долго не открывали окна.

Теперь утро.

Из кухни доносился шум воды. Марина, видимо, уже встала. У Марины была странная способность выглядеть разбитой, злой, невыспавшейся, но все равно действовать. Алина всегда завидовала этому. Сама она в плохие дни могла долго сидеть на краю кровати и думать, с какой стороны начать умываться.

На журнальном столике лежала темно-синяя папка с брачным договором.

Алина смотрела на нее минуту. Потом отвернулась.

Кот прыгнул со стеллажа, подошел к дивану и обнюхал ее чемодан. Чемодан стоял у стены, неразобранный, с шарфом, торчащим из бокового кармана. Вчера Алина хотела достать пижаму, но не смогла найти, где она лежит, и спала в футболке Марины с надписью «Не сегодня».

Очень точная надпись.

— Ты живая? — крикнула Марина из кухни.

— Нет.

— Тогда кофе тебе можно?

— Мертвым вроде нельзя.

— Значит, чай.

Алина села. Плед сполз на пол. Кот тут же сел на него, как на добычу.

На телефоне было еще одно сообщение. От мамы.

«Алиночка, ты сегодня дома? Хотела заехать на минутку, передать варенье».

Алина закрыла глаза.

Варенье.

Мама с ее баночками, аккуратно подписанными наклейками: малина, вишня, абрикос. Мама, которая не умела приходить «на минутку» и обязательно замечала все: бледное лицо, неубранную кружку, новую сумку, отсутствие Артема дома. Мама, которая после слов «мы разводимся» сначала сядет, потом схватится за грудь, потом скажет, что надо подумать, не торопиться, браки у всех бывают тяжелые.

А потом, когда поймет, что все серьезно, тихо спросит:

— А что люди скажут?

Не потому что плохая.

Просто так ее учили.

Алина не ответила.

Марина вошла в комнату с двумя кружками. Волосы собраны в кривой пучок, на лице след от подушки, на плече шерсть от кота. Она поставила одну кружку перед Алиной.

— Это не чай. Это почти чай. Там имбирь, лимон и какая-то трава, которую мне подарила соседка. Если умрем — вместе.

— Спасибо.

— Адвокат ответила. Может принять сегодня в двенадцать. Онлайн или офис.

Алина взяла кружку обеими руками. Горячее керамическое тепло немного вернуло пальцы к жизни.

— Сегодня?

— А ты хотела в следующем сезоне?

— Я не знаю.

— Я знаю. Сегодня.

Марина села на пол рядом с диваном, потому что кресло было завалено ее одеждой. Открыла ноутбук, поставила на журнальный столик, подвинула папку с брачным договором.

Алина дернулась.

— Не надо пока.

— Надо.

— Марин.

— Али, я тебя люблю. Очень. Поэтому скажу неприятно. Пока ты будешь отворачиваться от этой папки, Артем будет разговаривать с юристами, Кировой, мамой и кем угодно еще. Он не сидит сейчас под пледом и не думает, что делать с шампунем.

Алина посмотрела на нее.

— Я взяла шампунь.

— Вот. А он, скорее всего, взял контроль.

Марина открыла папку.

Алина поднялась и пошла в ванную.

— Я умоюсь.

— Умойся. Но папка никуда не денется.

В ванной у Марины было тесно. На стиральной машине стояли порошки, корзина для белья не закрывалась, на зеркале в углу засохла капля пасты. Алина посмотрела на свое отражение.

Лицо было отекавшее, хотя она почти не плакала. Под глазами тени. Волосы после сна сбились на одну сторону. На ней — чужая футболка и ее собственные брюки, помятые после вчерашнего. Кольцо на пальце все еще было.

Она подняла руку к лицу.

Кольцо сидело тихо, привычно. Не резало, не жгло, не делало ничего драматичного. Просто было. Маленький круглый предмет, который теперь непонятно куда деть.

Снять?

Оставить?

Положить в сумку?

А если Марина увидит и скажет что-нибудь? А если Артем потом спросит? А если она снимет, а потом не выдержит и наденет обратно?

Алина опустила руку.

Не сейчас.

Она умылась холодной водой, нашла в косметичке крем, размазала по лицу и вдруг вспомнила, что дома на полке осталась ее хорошая сыворотка. Та, дорогая, которую она долго не покупала, потому что «глупость за такие деньги», а Артем однажды молча заказал ей сразу два флакона. Без повода. Просто увидел открытую страницу на планшете.

Такие воспоминания были хуже плохих.

С плохими понятно, куда идти: злиться. С хорошими не ясно. Они цеплялись за рукав и говорили: а вот здесь он был другим, помнишь? А вот здесь ты была счастлива. А вот здесь он все-таки любил.

Алина выключила воду.

Когда она вернулась, Марина уже читала договор и выглядела так, будто хочет кого-то ударить папкой по голове.

— Ну? — спросила Алина.

— Я не адвокат. Но это дрянь.

— Юридически?

— Человечески. Юридически пусть тетка скажет.

— Как ее зовут?

— Валерия Игоревна Крестова. Лена говорит, страшная женщина. В хорошем смысле. На медиации ее бывший начал изображать жертву, она попросила его не расходовать общий кислород впустую.

Алина впервые за утро почти улыбнулась.

— Мне страшные сейчас не очень.

— Тебе сейчас нужна страшная на твоей стороне.

Марина пролистала еще несколько страниц.

— Слушай, у тебя диплом где?

— Дома.

— Какой дома? Ты вчера забрала документы.

— Паспорт забрала. Медицинские. Какие-то банковские. Диплом, кажется, нет.

— Почему?

Алина пожала плечами.

— Не подумала.

Марина хотела что-то сказать, но остановилась.

Правильно остановилась.

Потому что вчера Алина думала о зубной щетке, шампуне, нижнем белье и о том, как не упасть в гардеробной на глазах у мужа. Диплом в тот момент не казался вещью первой необходимости.

— Ладно, — сказала Марина. — Потом заберем.

— Мне надо домой.

— Не одной.

— Я не могу каждый раз водить тебя с собой.

— Сегодня можешь.

Алина села на диван, подтянула колени к себе. Кот недовольно дернул хвостом: ее движение потревожило плед.

— Я не хочу, чтобы он думал, будто я боюсь.

— А ты боишься?

Алина открыла рот.

Закрыла.

Марина кивнула.

— Вот поэтому не одна.

— Я не его боюсь.

— А чего?

Алина долго смотрела на свои руки.

— Что найду и опять начну вести себя как жена.

Марина молчала.

— Понимаешь? Увижу его чашку — уберу в посудомойку. Увижу рубашку — подумаю, надо отдать в стирку. Он скажет «Али» — и я забуду, что вчера читала этот договор. Мне кажется, я там... — Она замаялась. — Я там не очень умная.

— Ты там привыкшая.

Алина подняла глаза.

— Это не одно и то же, — сказала Марина. — Не делай из себя дуру. Ты восемь лет жила в системе, где все было подстроено под него. Любой человек начнет автоматически искать, где что поддержать, чтобы не рухнуло. Особенно если ему долго внушали, что он хорош только пока поддерживает.

Алина сглотнула.

— Ты сейчас как психолог из интернета.

— Да, но бесплатно и с котом.

Кот, будто услышав, потянулся и ушел под стол.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Артем звонил.

Алина смотрела на экран, пока звонок не оборвался.

Через минуту пришло сообщение:

«Алина, не игнорируй. Нам надо решить организационные вопросы».

Марина протянула руку.

— Можно?

— Что?

— Я не буду отвечать. Просто хочу увидеть, как он формулирует.

Алина отдала телефон.

Марина прочитала сообщение, фыркнула.

— Организационные вопросы. Как будто вы шкаф перевозите.

— По сути, да.

— Нет. Шкафу хотя бы все равно.

Алина забрала телефон.

Пальцы сами начали печатать: «Я сегодня встречаюсь с адвокатом. После этого отвечу».

Она показала Марине.

— Нормально?

— Слишком нормально, но пойдет.

Алина отправила.

Ответ пришел почти сразу:

«С каким адвокатом? Я же сказал, мой юрист все объяснит».

Алина смотрела на это сообщение и вдруг почувствовала, как поднимается злость.

Не большая. Не красивая. Не та, с которой женщины в романах бьют пощечины и уходят под музыку.

Обычная бытовая злость.

Как когда тебе в магазине пробили лишний товар, ты заметила, а кассир еще и вздыхает так, будто ты виновата.

— Вот, — сказала она.

Марина наклонилась.

Прочитала.

— Ответишь?

Алина напечатала:

«Твой юрист объясняет тебе. Мне будет объяснять мой».

Марина одобрительно подняла большой палец.

Алина отправила и тут же пожалела.

Сердце стало биться быстрее. Смешно. Она всего лишь написала мужу одну короткую фразу, а тело отреагировало так, будто она бросила камень в окно.

Артем прочитал.

Печатал.

Потом перестал.

Снова печатал.

Потом пришло:

«Ты сейчас под влиянием Марины. Давай без чужих советов».

Марина увидела выражение ее лица.

— Что?

Алина показала.

— А, прекрасно, — сказала Марина. — Я, значит, иностранный агент вашего развода.

— Не смехи.

— Почему? Мне идет.

Алина заблокировала телефон.

— Не буду отвечать.

— Хорошее начало.

К двенадцати они подключились к видеозвонку с Валерией Игоревной Крестовой.

Адвокат оказалась женщиной лет сорока пяти с короткими темными волосами, спокойным лицом и таким взглядом, от которого Алина сразу выпрямилась. Не потому, что испугалась. Скорее потому, что перед этим взглядом было неловко расползаться.

— Добрый день, Алина Сергеевна, — сказала Валерия Игоревна. — Марина коротко описала ситуацию. Мне нужны документы, договор и без эмоций: что подписано, что фактически есть, где вы живете, есть ли дети, совместные кредиты, доли, счета.

Без эмоций.

Алина кивнула.

— Детей нет.

Сказать это оказалось странно. Как будто еще один пустой пункт в анкете.

В браке тема детей всегда висела где-то рядом, но Артем откладывал. Сначала нужно было закрыть проект. Потом кризис. Потом мать болела. Потом «не сейчас, Али, у нас и так все на пределе». Алина то обижалась, то убеждала себя, что так даже спокойнее. В тридцать четыре вдруг оказалось: детей нет, брака почти нет, а вопросы «потом» не имеют обратного адреса.

— Хорошо, — сказала адвокат, делая пометку. — Это упрощает юридическую часть.

Упрощает.

Алина кивнула снова.

Марина молча положила ей руку на плечо.

Валерия Игоревна говорила четко, без жалости и без грубости. Объяснила, что брачный договор надо изучить полностью. Что если Алина подписала отказ от компенсаций, спорить будет сложно, но не всегда бессмысленно. Что нужно собрать подтверждения ее участия в

ремонтах, проектах, переписки, счета, фотографии, любые материалы, где видно, что она не просто «жила», а фактически создавала стоимость имущества.

— У вас была профессия до брака? — спросила она.

— Да. Дизайн интерьеров.

— Работали официально?

— Немного. Потом... — Алина запнулась. — Потом вышла замуж.

Адвокат посмотрела на нее поверх очков.

— Замуж — это не диагноз. Что значит «потом»?

Марина тихо кашлянула.

Алина почувствовала, как щеки начинают гореть.

— Артему было удобнее, чтобы я занималась домом. Приемами. Его родителями. Ну и переездами, ремонтами. Я иногда брала мелкие заказы для знакомых, но неофициально.

— Портфолио сохранилось?

— Старое где-то есть. На ноутбуке. И в облаке, наверное.

— Доставайте. Все доставайте. Переписки с подрядчиками, планы, сметы, ваши подборки, визуализации, чеки, если есть. Любые доказательства, что вы вкладывали профессиональный труд. Это не гарантия, но это материал.

Материал.

Алина записывала в блокнот Марины, потому что своего не было.

Писала криво: портфолио, сметы, переписки, фото до/после, подрядчики, чеки.

Потом Валерия Игоревна сказала:

— И еще. Не обсуждайте с мужем устно важные вопросы. Все существенное — письменно. Деньги, документы, доступ к квартире, имущество, договоренности. Встречи — либо с представителем, либо после консультации. Не соглашайтесь «просто поговорить», если после разговора вы обычно уступаете.

Алина опустила глаза.

Адвокат заметила.

— Обычно уступаете?

— Не всегда.

Марина тихо сказала:

— Обычно.

Алина не стала спорить.

— Значит, пока письменно, — сказала Валерия Игоревна. — Это не война. Это гигиена.

После звонка в комнате стало тихо.

Кот вылез из-под стола и запрыгнул на подоконник. С улицы доносился шум машин и чей-то собачий лай. На кухне закапал кран. Марина встала его закрутить.

Алина осталась сидеть с блокнотом на коленях.

Портфолио.

Слово казалось почти чужим.

Она открыла ноутбук. Пароль ввела со второго раза. На рабочем столе у нее был хаос: фотографии, старые файлы, рецепты, сканы документов, папка «Дом», папка «Для Артема», папка «Мама», папка «Разобрать» и еще одна «Разобрать точно».

Марина вернулась и заглянула через плечо.

— Ого. У тебя тут археологический слой.

— Не начинай.

— Не начинаю. Ищи.

Алина открыла облако.

Папка «Проекты_до_брака» нашлась неожиданно быстро.

Она щелкнула по ней.

На экране появились старые визуализации. Квартира в Патриаршем. Маленькая студия для девушки-фотографа. Загородный дом с бетонным камином. Детская для мальчика, который хотел космос, но не «слишком детский». Алина листала и не сразу понимала, почему у нее опять щиплет глаза.

Это была она.

Не жена Воронцова, не хозяйка приемов, не женщина, которая знает, какой соус нельзя подавать Виктору Сергеевичу.

Она.

С кривоватыми, но живыми первыми проектами. С подписью «Алина Сергеева» в углу. Сергеева.

Ее девичья фамилия выглядела почти неприлично чужой.

Марина присела рядом.

— Неплохо.

— Старое.

— И что? У меня тоже лицо старое по утрам, но я же им пользуюсь.

Алина хмыкнула.

— Тут многое наивное.

— Зато не мертвое.

Алина открыла проект загородного дома, который когда-то почти выиграл конкурс у молодого бюро. Почти, потому что в последний момент заказчик ушел к более известным. Она тогда плакала два вечера, а Артем, с которым они только начали встречаться, привез ей пирожные и сказал:

— Ты все равно умеешь видеть пространство. Это редко.

Она тогда влюбилась в него еще сильнее.

Вот опять.

Хорошее воспоминание.

Не к месту. Не вовремя. Но настоящее.

— Он правда когда-то верил, что я могу, — сказала Алина.

Марина не стала отвечать сразу.

— Может, верил, — сказала она наконец. — А потом ему стало удобнее, чтобы ты могла только для него.

Алина закрыла старый проект.

Открыла папку «Дом».

Там были сотни файлов. Кухня_финал. Кухня_финал2. Кухня_точно_финал. Свет_гостиная. Смета_камень. Подрядчики. Салон_ткани. Спальня_вариант_Артем_не_понял.

На последнем названии она неожиданно засмеялась.

Марина заглянула.

— Что там?

Алина показала.

— «Артем не понял»?

— Он сказал, что изголовье слишком мягкое по настроению.

— Что это вообще значит?

— Не знаю. Но я тогда сделала другое.

Она открыла файл.

На экране появилась их спальня в первом варианте. Не та, что сейчас. Более теплая, с мягкой тканью, приглушенным светом, креслом у окна. Алина смотрела на картинку и вдруг поняла, что этот вариант нравился ей больше. Просто Артем сказал, что ему нужно строже, чище, дороже. И она переделала.

Строже.

Чище.

Дороже.

В итоге они жили в комнате, где было красиво, но не хотелось болеть, смеяться, валяться в старой футболке или читать до трех ночи.

— Я сама это сделала, — сказала она.

— Что?

— Переделала все под него.

Марина пожала плечами.

— Ну, теперь переделаешь под себя.

— У меня нет квартиры.

— Начнешь с рабочего стола.

Алина посмотрела на нее.

— Ты иногда бесишь своей практичностью.

— Знаю. Это моя эротическая сила.

Алина все-таки улыбнулась.

Настояще. На секунду.

Потом телефон снова ожил.

Не Артем.

Мама.

Звонок.

Алина смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается другое напряжение. Не такое, как с Артемом. С мамой было иначе. Там надо было не защищаться, а выдерживать любовь, смешанную с тревогой, стыдом и привычкой делать вид, что у хороших людей плохого не случается.

— Возьми, — сказала Марина. — Иначе она придет с вареньем к вам домой.

Алина ответила.

— Мам?

— Алиночка, привет. Ты дома? Я тебе писала. Я недалеко буду, думаю, заскочу. У меня варенье, и еще я купила тебе те салфетки, которые ты любишь, с лавандой.

Алина закрыла глаза.

Лаванда.

Салфетки.

Все эти маленькие женские попытки держать жизнь руками.

— Мам, я не дома.

— А где?

— У Марины.

Пауза.

— С ночевкой?

Алина молчала на полсекунды дольше, чем надо.

Мама сразу услышала.

— Что случилось?

— Мам, я потом расскажу.

— Нет. Что случилось?

Марина тихо встала и ушла на кухню, оставляя ее одну.

Алина смотрела на темный экран ноутбука, где отражалось ее лицо.

— Мы с Артемом разводимся, — сказала она.

На том конце стало тихо.

Потом мама выдохнула:

— Как разводитесь?

Очень странный вопрос. Как будто бывают варианты: ложкой, ножом, через сито.

— Он вчера дал мне документы.

— Какие документы?

— На развод.

— Подожди. Вы поругались?

— Нет.

— Ну как нет, Алиночка? Просто так документы не дают. Может, у него на работе что-то? Может, он сорвался?

Алина сжала переносицу пальцами.

— Мам, он несколько месяцев с другой женщиной.

Мама снова замолчала.

На этот раз дольше.

— Господи, — сказала она наконец. — А ты уверена?

Алина устало рассмеялась. Без веселья.

— Нет, мам. Я, наверное, случайно придумала любовницу, чтобы оживить вторник.

— Не говори так.

— Прости.

Вот оно.

Автоматическое.

Даже сейчас.

Мама всхлипнула.

— Боже мой. Что же теперь... А его родители знают?

Алина открыла глаза.

— Не знаю.

— Надо поговорить с Ириной Павловной.

— Не надо.

— Алиночка, но если он... Может, это кризис. Мужчины иногда...

— Мам.

— Я не оправдываю, нет. Я просто думаю, может, не рубить с плеча. Восемь лет, семья.

Ты же понимаешь, развод — это...

Она не договорила.

Алина договорила внутри: стыдно.

— Это он подал документы, — сказала она. — Не я.

— Но ты же можешь не подписывать сразу.

— Я и не подписала.

— Вот. Значит, надо подумать.

— Я думаю.

— Только не слушай Марину во всем. Она хорошая девочка, но у нее характер такой... резкий. А тебе надо спокойно.

Алина посмотрела в сторону кухни.

Марина стояла у раковины спиной к комнате и делала вид, что не слушает. Конечно, слушала. Просто не лезла.

— Мам, мне сейчас не надо спокойно. Мне надо нормально.

— Что значит нормально?

— С адвокатом. С документами. Без его мамы.

— Ты хочешь судиться?

В голосе мамы стало больше страха.

— Я хочу понять, что у меня есть.

— У тебя есть мы.

Алина закрыла глаза.

От этой фразы стало больнее, чем от всех предыдущих. Потому что мама правда хотела поддержать. Просто у нее это получалось теми словами, от которых хотелось лечь на пол.

— Спасибо, — сказала Алина.

— Ты приедешь ко мне?

— Пока нет.

— Почему? У Марины же диван маленький.

Алина вдруг улыбнулась. Сквозь усталость.

— Все почему-то помнят про ее диван.

— Я серьезно.

— Я знаю. Мам, я перезвоню вечером. Хорошо?

— Алиночка...

— Вечером.

Она сбросила и долго держала телефон в руке.

Марина вернулась с кухни.

— Я резкая девочка?

— Очень.

— Отлично. Хоть что-то стабильное.

Алина положила телефон на стол.

— Она спросила, уверена ли я.

— В измене?

— Да.

Марина села рядом и помолчала.

— Моя мама спросила бы, что на мне было надето в момент, когда мне изменяли.

Алина посмотрела на нее.

— Правда?

— Нет. Но могла бы.

Они обе засмеялись.

Смех получился неправильный, слишком громкий для этой комнаты. Кот недовольно спрыгнул с подоконника и ушел в коридор.

После звонка мамы Алина еще час разбирала папки.

Она находила себя в старых файлах кусками. Вот ее подборка света для дома, за которую Артем потом получил комплимент от партнера. Вот переписка с итальянским салоном, где она три недели выбивала замену бракованной партии плитки. Вот планировка гостевого санузла, которую она переделала после того, как свекровь сказала: «У вас тут как в кафе». Вот чертежи квартиры на Садовой, той самой, оформленной на компанию.

Каждый файл был маленьким доказательством.

Не только для адвоката.

Для нее самой.

В три часа Марина ушла на созвон по работе, строго приказав Алине есть сырники, которые остались со вчерашнего кафе в контейнере. Алина послушно разогрела один, села за маленький стол у окна и открыла почту.

Там было письмо от Артема.

Тема: «Документы».

Она долго смотрела на нее.

Потом открыла.

«Алина, направляю электронные копии документов. Предлагаю завтра в 11:00 встретиться с юристом в моем офисе, чтобы спокойно обсудить условия. Не вижу необходимости

переводить это в конфликт. Я готов обеспечить тебе комфортный переходный период и решить все цивилизованно. А.»

Комфортный переходный период.

Алина отложила сырник.

Потом взяла блокнот и записала эту фразу.

Не знала зачем. Просто записала.

Рядом добавила:

«Я не мебель, которую перевозят в другой интерьер».

Фраза вышла слишком красивая. Почти как из плохого поста. Она поморщилась и зачеркнула.

Ниже написала проще:

«Мне плохо. Но я не вещь».

На это уже можно было смотреть.

Она открыла старое портфолио и начала собирать отдельную папку: «Мое».

Сначала хотела назвать «Для адвоката», но передумала.

Мое.

Туда полетели проекты до брака, чертежи, сметы, фотографии готовых интерьеров, скриншоты переписок. Потом она нашла фотографию той самой спальни, первый вариант, мягкий, не утверждённый Артемом.

Алина долго смотрела на него.

Потом сохранила отдельно.

Не для суда.

Для себя.

Через несколько минут пришло новое письмо.

Не от Артема.

От старого знакомого, точнее от рассылки архитектурного клуба, куда она когда-то вступила и давно не заходила.

Тема: «Закрывающая встреча: частные интерьеры и девелоперские проекты. Регистрация до пятницы».

Алина почти удалила письмо автоматически.

Потом остановилась.

Открыла.

Встреча была через три дня. В небольшом зале на Остоженке. Архитекторы, дизайнеры, представители бюро, девелоперы. В списке спикеров она увидела знакомые фамилии. Некоторые — из прошлой жизни, профессиональной, еще до Артема.

И одну фамилию, которую слышала дома не раз.

Даниил Орлов.

Архитектор, совладелец бюро ORLOV+PARTNERS.

Конкурент Артема.

Не прямой враг, конечно. Взрослые мужчины такого уровня не называли друг друга врагами. Они говорили «сомнительная репутация», «слишком агрессивная стратегия», «человек играет грязно». Артем произносил фамилию Орлова именно так — сухо, с оттенком раздражения.

Алина смотрела на имя.

Палец завис над кнопкой регистрации.

Глупо.

Сейчас совершенно не время.

У нее развод, документы, чемодан у стены, чужая футболка, мама с вареньем, муж с любовницей и брачный договор, в котором ее восемь лет названы «иными вложениями».

Какая встреча.

Какие интерьеры.

Какой Орлов.

Она закрыла письмо.

Через минуту открыла снова.

Марина вернулась из кухни с ноутбуком под мышкой.

— Что там?

Алина быстро закрыла вкладку.

Слишком быстро.

Марина прищурилась.

— Ты или покупаешь билет на Бали, или делаешь что-то полезное. По лицу не пойму.

— Ничего.

— Али.

Алина вздохнула и показала письмо.

Марина прочитала. Дошла до списка спикеров.

— Опа.

— Что?

— Даниил Орлов. Это же тот, от которого у Артема дергается глаз?

— Не дергается.

— Я видела на каком-то ужине. Дергался.

— Это просто встреча.

— Так зарегистрируйся.

— Мне нечего там делать.

Марина посмотрела на открытые папки на ноутбуке. На блокнот. На темно-синюю папку с договором.

— У тебя вся жизнь сейчас орет, что тебе нечего делать только в одном месте — рядом с Артемом и его юристом.

Алина молчала.

— Зарегистрируйся, — сказала Марина мягче. — Не ради Орлова. Ради себя. Посидишь, послушаешь, вспомнишь, что ты не приложение к фамилии Воронцова.

Алина посмотрела на форму регистрации.

Имя.

Фамилия.

Компания.

Должность.

Вот здесь стало больно.

Имя — Алина.

Фамилия...

Она поставила курсор в поле и долго не печатала.

Воронцова?

Сергеева?

В паспорте пока Воронцова. В документах — Воронцова. В брачном договоре — Воронцова. В светских списках — жена Воронцова.

А в старых проектах была Сергеева.

Алина стерла пустоту взглядом.

Марина стояла рядом и не торопила.

Наконец Алина напечатала:

Алина Сергеева-Воронцова.

Посмотрела.

Стерла.

Напечатала:

Алина Сергеева.

Сердце стукнуло неприятно сильно.

Как будто она сделала что-то незаконное.

— Так можно? — спросила она тихо.

Марина наклонилась к экрану.

— В форме регистрации? Можно хоть королевой Нидерландов. Но Сергеева лучше.

— В паспорте не так.

— А в тебе как?

Алина не ответила.

В поле «Компания» она написала: частная практика.

Это тоже было почти вранье.

Пока практики не было. Были старые файлы и женщина на чужом диване.

Но после сегодняшнего дня слово «почти» уже не казалось таким страшным.

Она заполнила телефон, почту, нажала «Отправить».

На экране появилось:

«Ваша регистрация принята».

Алина смотрела на эту строку дольше, чем следовало.

Потом пришло автоматическое письмо с подтверждением.

Марина положила руку ей на плечо.

— Ну что, женщина без фамилии Воронцова?

— Не начинай.

— Не начинаю.

Алина открыла письмо еще раз.

Ваша регистрация принята.

Простая фраза.

Никто не спросил, чей она человек. Кто ее муж. Почему она давно не работала. Не уни-
зил, не пожалел, не предложил переходный период.

Просто принята.

Алина вдруг почувствовала, что хочет спать. Сильно. Прямо сейчас. Положить голову на
стол рядом с ноутбуком, блокнотом, сырником и всей своей недособранной жизнью.

— Ложись, — сказала Марина.

— Мне надо еще...

— Ничего тебе не надо. Ты сегодня сделала больше, чем вчера могла представить.

— Я только зарегистрировалась на встречу.

— Нет. Ты написала фамилию.

Алина хотела возразить, но не стала.

Потому что это почему-то было правдой.

Перед сном она все-таки открыла чат с Артемом.

Он больше не писал.

Она посмотрела на последнее сообщение про «чужие советы», потом на свое: «Твой
юрист объясняет тебе. Мне будет объяснять мой».

Чужой казалась не только фраза.

Чужой казалась женщина, которая ее написала.

Не сильная.

Не уверенная.

Просто уставшая настолько, что перестала быть удобной.

Алина положила телефон экраном вниз, легла на диван и подтянула к себе плед.

Кот запрыгнул в ноги, покрутился и улегся так, будто между ними уже заключен временный договор проживания.

— Только без брачного контракта, — пробормотала Алина.

Кот моргнул.

Из кухни Марина крикнула:

— Ты что-то сказала?

— Нет.

Алина закрыла глаза.

Перед сном ей почему-то снова вспомнилась пуговица на столе Артема.

Маленькая, черная, от его пальто.

Она представила, как он вечером находит ее рядом с документами. Не выбрасывает сразу. Берет двумя пальцами, хмурится, не знает, куда деть. Может быть, кладет в ящик к кольцу.

Пусть.

Пусть хоть что-то теперь лежит не там, где ему удобно.

ГЛАВА 3. Его новая женщина

Алина перед встречей три раза переоделась.

Сначала надела черное платье. Простое, закрытое, с длинным рукавом. В зеркале оно выглядело правильно: спокойно, строго, без попытки кому-то что-то доказать. Через минуту Алина сняла его, потому что в нем была похожа на женщину, которая пришла на собственные поминки и заранее выбрала дресс-код.

Потом достала светлые брюки и шелковую блузку.

Марина, лежавшая поперек кровати с ноутбуком, подняла глаза.

— Хорошо.

— Слишком мягко.

— Ты идешь на архитектурную встречу, а не на дуэль.

— Там может быть Артем.

— Тем более. Он должен увидеть, что ты не пришла в бронежилете.

Алина посмотрела в зеркало.

Блузка действительно была мягкая. Теплая молочная ткань, тонкий воротник, пуговицы, которые она застегивала слишком долго, потому что пальцы нервничали. Брюки сидели нормально, но ей все равно казалось, что живот выпирает, плечи сутулятся, лицо не то.

Не то для чего — она сама не знала.

— Я не пойду, — сказала она.

Марина не оторвалась от ноутбука.

— Пойдешь.

— Я правда не понимаю, зачем.

— Затем, что ты зарегистрировалась.

— Люди постоянно регистрируются и не приходят.

— Люди постоянно выходят замуж за Артемов Воронцовых и потом спят на моем диване.

Теперь мы пробуем другой сценарий.

Алина села на край кровати.

Кот Марины, которого звали Барсик вопреки его презрительному лицу, тут же запрыгнул рядом и положил лапу ей на бедро. Не ласково. Скорее как собственник.

— Мне нечего сказать, если меня спросят, чем я занимаюсь.

— Скажешь: дизайном интерьеров.

— Я давно не работала.

— Скажешь: возвращаюсь в практику.

— Это звучит жалко.

Марина закрыла ноутбук.

— Али. Жалко — это когда взрослый мужик пишет тебе “не делай глупостей”, пока сам сделал Киру. А “возвращаюсь в практику” звучит нормально.

— Не говори “сделал Киру”.

— Прости. Сотворил Киру как новый этап личностного роста.

Алина фыркнула, но сразу перестала.

Смех теперь приходил короткими кусками и почти всегда заканчивался неловкостью. Будто тело не понимало, можно ли ему смеяться, если вчера еще хотелось лечь лицом в подушку и не вставать.

Марина поднялась, подошла к шкафу и достала жакет Алины. Темно-синий, хороший, с мягкой линией плеча.

— Вот.

— Слишком деловой.

— Нормальный. Не траур, не невеста, не “посмотрите, я свободна”. Просто женщина, у которой есть дела.

Алина взяла жакет.

— У меня нет дел.

— Появятся. Главное — не говори это вслух людям с дорогими визитками.

Перед выходом она долго искала помаду. Нашла в боковом кармане сумки, рядом с чеком из аптеки и старой конфетой без фантика. Помада оказалась надломленной. Алина выдвинула ее, посмотрела на скошенный край и почему-то почувствовала раздражение.

— Даже помада решила развалиться.

Марина протянула свою.

— На.

— У тебя красная.

— И что?

— Я не ношу красную.

— Сегодня будешь.

Алина нанесла тонкий слой и тут же промокнула салфеткой почти до нуля.

— Ну вот, — сказала Марина. — Человек совершил революцию и сразу ее отменил.

— Хватит.

— Все. Молчу.

Но не молчала, конечно. Пока они ехали в такси, Марина успела три раза напомнить, что Алина никому ничего не должна, два раза — что если встретит Артема, не обязана подходить, и один раз — что если ей станет плохо, надо писать не “все нормально”, а “забери меня”.

— Я не ребенок.

— Знаю. Поэтому и объясняю как взрослой: если будет плохо, не изображай фарфоровую вазу.

— У тебя сегодня много образов.

— Я волнуюсь.

Алина повернулась к ней.

Марина смотрела в окно, губы поджаты, пальцы теребят ремешок сумки. Она правда волновалась. И от этого Алине стало стыдно за свое раздражение.

— Я напишу, — сказала она тише.

— Вот и умница.

— Только не говори так. Как бабушка.

— Ладно. Вот и нормальная взрослая женщина с подозрительно красивым жакетом.

Встреча проходила в старом особняке на Остоженке, где теперь был частный клуб с залами для лекций, переговорными и рестораном на первом этаже. У входа стояли две девушки с планшетами и одинаковыми улыбками. В гардеробе пахло влажной шерстью, дорогими духами и цветами из огромной вазы у лестницы.

Алина сняла пальто и сразу пожалела, что не оставила его на себе. Без пальто она чувствовала себя слишком видимой.

— Имя, пожалуйста, — сказала девушка у стойки регистрации.

Алина на секунду забыла.

Не полностью, конечно. Но внутри что-то споткнулось.

— Алина Сергеева, — сказала она.

Фамилия вышла непривычно. Как новая обувь: вроде размер твой, но пока натирает.

Девушка нашла ее в списке.

— Да, вижу. Вот бейдж.

На бейдже было напечатано:

Алина Сергеева

частная практика

Алина взяла его двумя пальцами.

Частная практика выглядела слишком смело. Почти нагло. Хотелось ручкой дописать мелким шрифтом: “когда-то была”, “пытается вернуться”, “пока не очень понимает, что делает”.

Она приколола бейдж к жакету. Криво. Сняла, приколола снова. Все равно криво.

— Помочь? — спросила девушка.

— Нет, спасибо.

В зале уже было много людей. Они стояли группами, держали бокалы с водой или кофе, смотрели друг на друга с той профессиональной вежливостью, за которой всегда пряталась оценка: кто ты, откуда, полезен ли, стоит ли тратить пять минут.

Алина сразу пожалела, что пришла одна.

Марина предлагала доехать и подождать в кафе напротив, но Алина отказалась. Надо было хоть что-то сделать самой. Теперь она стояла у входа, держала папку с распечатанным старым портфолио и чувствовала себя школьницей, которая ошиблась дверью и попала на родительское собрание чужого класса.

У стены стоял стол с кофе.

Она пошла туда просто потому, что куда-то надо было идти.

Налила себе воду вместо кофе, потому что рука могла дрогнуть. Сделала глоток. Вода была с лимоном и огурцом. Алина всегда считала, что огурец в воде — это попытка богатых людей убедить себя, что им не скучно.

— Алина?

Она обернулась.

Перед ней стояла Лиза Гуманова. Когда-то они вместе учились на курсах, потом Лиза ушла в декор для ресторанов и свадеб, вышла замуж за фотографа, развелась, открыла маленькую студию и стала той женщиной, которая в соцсетях всегда выглядела усталой, счастливой и при деле.

— Господи, это ты? — Лиза улыбнулась широко. — Я тебя сто лет не видела.

— Привет.

Они обнялись неловко: у Алины в руке была вода, у Лизы — телефон и папка.

— Ты пропала совсем, — сказала Лиза. — Я пару раз видела тебя в светских хрониках, такая вся... ну... Воронцова.

Она произнесла фамилию без злости, но Алина все равно напряглась.

Лиза заметила бейдж.

— Сергеева?

— Да.

Пауза вышла короткая, но заметная.

— Ты вернулась к работе? — спросила Лиза.

Алина могла сказать правду. Могла сказать: пока нет, я вчера ночевала на диване у подруги, потому что муж дал мне развод, а сегодня я решила притвориться, что у меня есть профессиональная жизнь.

Вместо этого сказала:

— Пытаюсь.

Лиза кивнула.

— Нормальное слово. Я тоже все время пытаюсь. Просто на людях говорю “развиваю направление”.

Алина вдруг почувствовала облегчение.

Не большое. Но настоящее.

— У тебя студия?

— Ага. Маленькая, вредная и вся в долгах. Но моя. Ты если будешь возвращаться, пиши. У меня иногда проекты, где нужен человек с вкусом, а не с желанием поставить золотой унитаз.

— Спасибо.

— Я серьезно.

Лиза посмотрела куда-то за ее плечо и чуть изменилась лицом. Улыбка осталась, но стала тоньше.

— Ой.

Алина не успела спросить.

Она уже поняла.

Артем вошел в зал не один.

С ним была Кира.

Не под руку. Нет. Так было бы слишком прямолинейно. Она шла на полшага позади, но достаточно близко, чтобы все считали их вместе. В темном платье, с гладко убранными волосами, в серьгах, которые не кричали, но стоили явно больше Алиного чемодана у Марины. В руках — телефон и тонкая папка. Помощница. Деловая. Почти официальная.

Артем был в сером костюме. Безупречный. Лицо спокойное, разговор с женщиной рядом — уверенный, короткий. Он еще не видел Алину.

Кира увидела первой.

И остановилась на долю секунды.

Вот это Алина заметила.

Не страх. Не вину. Скорее быстрый расчет: что делать с лицом, куда смотреть, подходить или нет.

Потом Кира улыбнулась. Вежливо. Маленько.

Алина почти физически почувствовала эту улыбку на коже.

Лиза тихо сказала:

— Слушай, если тебе надо уйти...

— Нет.

Сказала слишком быстро.

Лиза не стала спорить.

— Тогда вода у тебя закончилась. Возьми бокал в руку, с ним проще стоять.

Алина посмотрела на свой стакан. Там действительно оставалось на дне.

Она взяла новый. Просто чтобы занять руки.

Артем наконец увидел ее.

Сначала взгляд скользнул мимо, как по чужому человеку. Потом вернулся.

На его лице ничего не изменилось. Почти ничего. Только подбородок чуть напрягся.

Он сказал что-то собеседнику, тот кивнул и отошел. Кира осталась рядом.

Алина впервые увидела их так ясно: не случайное сообщение, не имя на экране, не догадка. Вот они. В одном зале. У него за плечом. В его рабочем поле. В той части жизни, куда Алина раньше приезжала с тщательно подобранным платьем, улыбкой и готовностью помнить, кто не ест лук.

Артем пошел к ней.

Кира тоже.

Лиза не ушла. За это Алине захотелось обнять ее второй раз.

— Алина, — сказал Артем.

— Артем.

Они смотрели друг на друга, и оба, кажется, не знали, что делать с этим приветствием. Поцеловать в щеку — невозможно. Пожать руку — смешно. Обняться — уже из другой жизни.

Кира первая нарушила паузу.

— Добрый вечер, Алина Сергеевна.

Сергеевна.

Не Алина.

Не Алина Артемовна, не господи прости.

Формально. Правильно. Вежливо до тошноты.

— Добрый, — сказала Алина.

Лиза повернулась к Кире с таким лицом, будто рассматривает не человека, а неудачный образец плитки.

— Лиза Туманова, — представилась она. — Декор, частные проекты.

Кира кивнула.

— Кира Левина. Компания Воронцова.

Компания Воронцова.

Вот оно.

Место, где ей было удобно стоять.

Артем посмотрел на бейдж Алины.

Алина видела, как его взгляд задержался на фамилии.

Сергеева.

— Не знал, что ты будешь, — сказал он.

— Я тоже.

— В смысле?

— Не знала, что буду.

Ответ получился странным. Честным и глупым одновременно.

Артем нахмурился.

— Ты одна?

— Нет, с бейджем.

Лиза кашлянула, пряча улыбку.

Кира посмотрела в сторону.

Алина сама удивилась, что сказала это. Никакой победы не почувствовала. Скорее стыд: зачем огрызнулась, как подросток.

Артем не улыбнулся.

— Нам нужно будет поговорить после.

— О чем?

— Ты знаешь о чем.

— Если о документах, я сегодня не буду.

— Не здесь, — тихо сказал он.

— Ты сам спросил здесь.

Кира чуть опустила глаза на свой телефон. Возможно, чтобы не участвовать. Возможно, чтобы показать, что ей неловко. А может, она просто читала сообщение. Алина вдруг поняла, что слишком много думает о каждой ее реснице, каждом движении. Это унижительно. Не для Киры — для нее самой.

— Алина, — Артем сделал голос мягче. — Я не хочу, чтобы ты ставила себя в неудобное положение.

Лиза резко подняла брови.

Алина посмотрела на Артема.

— Я стою у стола с водой. Вроде справляюсь.

Он сжал губы.

Кира вдруг сказала:

— Артем Викторович, нам нужно подойти к Сергею Борисовичу до начала панели.

Алина услышала в этом спасение.

Для него.

Не для себя.

Артем еще секунду смотрел на нее, потом кивнул.

— Хорошо. Позже.

Они отошли.

Кира шла рядом с ним аккуратно, ровно, не прикасаясь. Но Алина все равно видела, как люди смотрят. Женщины — быстрее, внимательнее. Мужчины — равнодушнее, но тоже отмечают. В этом кругу новости распространялись без слов. Достаточно было прийти не с той женщиной.

— Ну, — сказала Лиза тихо. — Вода с огурцом сегодня не самое мерзкое, что я видела. Алина выдохнула.

— Не надо.

— Ладно.

— Я правда могу не выдержать, если все будут делать вид, что защищают меня.

Лиза посмотрела на нее внимательно.

— Тогда что делать?

Алина пожала плечами.

— Говорить про работу.

— Отлично. У меня как раз есть повод. Смотри.

Она открыла на телефоне фотографии небольшого ресторана, который оформляла.

Алина сначала смотрела из вежливости.

Потом втянулась.

— Здесь свет слишком холодный, — сказала она. — Камень у бара уходит в серый, и еда будет выглядеть... ну, не очень.

Лиза мгновенно оживилась.

— Вот! Я им то же говорю, а заказчик хочет “благородную прохладу”.

— Благородная прохлада работает в лобби банка, а не там, где люди едят пасту.

— Можно я тебя процитирую?

— Только без фамилии.

Лиза усмехнулась.

— С какой именно?

Алина сама не ожидала, что не обидится.

Они обсуждали свет, ткань на банкетках, плохую привычку заказчиков ставить слишком много зеркал, и на несколько минут Алине стало легче. Не хорошо. Нет. Просто мозг наконец получил задачу, где не было Киры, развода и брачного договора. Был свет. Ткань. Камень. Высота подвесов. Вещи, которые можно поправить.

Потом началась панель.

Люди заняли места. Алина села ближе к краю, чтобы при необходимости выйти. Лиза рядом. Через два ряда впереди сидел Артем. Кира — рядом с ним, чуть боком, чтобы иногда что-то показать ему в телефоне.

Алина старалась не смотреть.

Получалось плохо.

Первым выступал пожилой архитектор, который говорил долго и с таким видом, будто лично изобрел пространство. Потом — женщина из девелоперской компании. Она рассказывала о премиальных проектах, где “клиент покупает не метры, а сценарий жизни”. Алина записала эту фразу и рядом поставила вопросительный знак.

Сценарий жизни.

В их с Артемом доме сценарий тоже был. Только почему-то главная роль ей в нем не досталась.

Когда объявили Даниила Орлова, зал чуть оживился.

Алина раньше видела его только на фотографиях в деловых изданиях и пару раз мельком на мероприятиях, куда приходила с Артемом. В памяти остался высокий мужчина с темными волосами, спокойной посадкой головы и руками человека, который привык не только подписывать, но и чертить.

Вживую он оказался не эффектнее, а проще.

Темный пиджак, без галстука, белая рубашка, чуть усталое лицо. Он не улыбался широко и не пытался понравиться залу. Подошел к микрофону, поправил его, посмотрел на экран, где зависла первая картинка проекта.

— Я буду коротко, — сказал он. — Все равно лучше пространства за нас никто не скажет.

В зале тихо усмехнулись.

Он говорил не гладко. Иногда останавливался, подбирая слово. Иногда возвращался к слайду, потому что забыл показать деталь. Это странно подкупало. Не было ощущения заученной речи. Был человек, которому важен предмет разговора.

— Частный интерьер, — сказал Орлов, показывая планировку дома, — часто портят не дорогие ошибки. Дорогие как раз видны сразу. Его портят уступки, которые никто не замечает. Чуть-чуть сдвинули свет, потому что “мужу так удобнее”. Убрали кресло, потому что “жена все равно там не сидит”. Сделали кухню представительской, хотя в доме завтракают двое детей и бабушка. А потом люди живут в красивом помещении и не понимают, почему им там не хочется оставаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.